

18+

Владимир Саморядов

АКСОЛОТЛЬ И СТАТУЭТКА ПРЕВРАЩЕНИЙ

Часть
первая

Владимир Саморядов

**Аксолотль и статуэтка
превращений. Часть первая**

«Издательские решения»

Саморядов В.

Аксолотль и статуэтка превращений. Часть первая /
В. Саморядов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833028-5

В конце девяностых годов в одной кубанской станице случилось странное. Ожили вдруг герои старинных легенд и сказок, да и сами люди в этих героев превратились. Ведьмы стали на шабаши собираться, колдуны расплодились, вампиры и вурдалаки. Наша история о том, как это произошло, что этому предшествовало и как все закончилось....

ISBN 978-5-44-833028-5

© Саморядов В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Аксолотль и статуэтка превращений

Часть первая

Владимир Саморядов

© Владимир Саморядов, 2018

ISBN 978-5-4483-3028-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события, происходящие в нашем бурном мире, имеют свою предысторию. Ничего просто так, от нечего делать, не происходит. Когда, например, вам на голову падает кирпич, с большой высоты и с большими последствиями, он падает не по собственной инициативе, не из жгучей нелюбви к вашей скромной персоне, но по стечению обстоятельств. Этому трагическому эпизоду предшествовала целая череда явлений, от вас совсем не зависящих. Здесь и хроническая безалаберность рабочих, пропивших цементный раствор и использовавших для скрепления кирпичей коровий навоз; и проплаченная слепота приемной комиссии, этот навоз не заметившей. А вы, что вы делали в столь неудачный час под стенами будущего казино, когда шли в булочную за хлебом? Могли бы хлеб подешевле в другом конце города поискать, в новом супермаркете, а не лезть куда-то к чёрту на кулички. Да, в конце концов, как не объяснить текущую ситуацию обстоятельствами, результат один – больничная койка.

Мы не собираемся вдаваться в проблему кирпича на вашей голове, затрагивать проблемы современной медицины и закон всемирного тяготения. Потому что кирпич касается только вас и никого больше, а события, о которых нам предстоит поведать, затронули очень многих. Но, так или иначе, и эти события имели свою предысторию, и мы ее вкратце коснемся.

Лет так две тысячи с лишком назад плыла по Черному морю галера. Плыла себе, на радость хозяев и пассажиров, на зависть конкурентам и на горе гребцам. Плыла, плыла и затонула. Такие вот дела.

Тогда это событие немногих опечалило. Ну, утонуло несколько десятков гребцов, нецивилизованных скифов-сколотов, ну ушел на дно груз, принадлежавший одному мерзопакостному купцу, ну потонул сам купец, римский еврей.

Боспорские чиновники рабов за людей не считали, а антисемитов и в те времена хватало. Такая вот предыстория. А теперь начнется история.

Глава первая в которой мы знакомимся со станицей Ряжской и ее обитателями....

Станица Ряжская стоит на высоком правом берегу Кубани, протянувшись с востока на запад километров на десять. Утопая в густой зелени садов, она вмещает в себя тысяч двадцать пять жителей разных полов, возрастов и национальностей и энное количество домашней живности: гусей, коров, собак, кур, морских свинок и аквариумных рыбок; две больницы; два кинотеатра; три дома культуры и один вытрезвитель.

Когда-то, двести лет назад, станицу основал сам Суворов, заботясь о сохранности российских рубежей. В те времена здесь проходила граница. Шли годы, граница стараниями предков отступала все дальше, потом еще большими стараниями потомков приближалась. Однако станица продолжала жить своей жизнью. Иногда в неспешный бег времени врывались катаклизмы и исторические коловращения. Но в большинстве случаев о событиях в стране и мире люди узнавали из газет, радио и телевидения. И только попеременное опустошение и насыщение магазинных полок, и появление новых дворцов во все времена вороватых начальников, подтверждали эти изменения. Великие потрясения последних лет проходили где-то там, в другом и огромном мире. А здесь люди пытались выжить или нажиться (в зависимости от должности). Без демонстраций, революций.

Где-то на середине, в станицу вгрызался огромный овраг, названный еще в ветхозаветные времена Солохиным яром. Если смотреть сверху, яр напоминал огромную шестиконечную звезду, двумя лучами, выходящую прямо к берегам Кубани, и четырьмя остальными пронзающую улицы станицы. Странное это было место и страшное. Поговаривали, что обитали в Солохином яру всевозможные чудовища: упыри и вампиры, инопланетяне и прочие нечистивцы. Иногда в темных недрах полыхали загадочные цветные всполохи, пугая поздних прохожих, идущих по улицам, примыкающим к оврагу. Одно лето вся станица обсуждала появление в овраге страшного динозавра, сожравшего от большого голода двух малосъедобных наркоманов. В другой раз целая свора кровожадных вампиров терроризировала жителей близлежащих улиц, не давая им спокойно спать и гулять.

Однако наиболее просвещенные люди в эти рассказы не верили, списывая все эти сплетни на досужие рассказы станичных кумушек, насмотревшихся сенсационных телепередач. К таким просвещенным людям относил себя и юный Илья Карин.

Илье в те годы уже исполнилось четырнадцать лет. Это был невысокий, коренастый, черноволосый, прыщавый парнишка. Не вундеркинд, хотя многие сверстники, что поплоче и понаглее считали его задавакой, но не задирали, опасаясь натренированных в секции карате кулаков. А еще Илья интересовался техникой, не смотря на то, что последний технический кружок в районном Доме пионеров закрыли за неактуальностью лет пять назад. У себя дома из разного металлолома Илья мастерил всевозможные машины: самодельные автомобили, мотосани, мотоплуги, приводя в восторг разбиравшихся в этом деле взрослых и заставляя ровесников маяться жгучей завистью.

У Ильи было двое верных друзей-одноклассников, которые, как и он, были людьми интересующимися и увлеченными.

Женя Горский разводил в своем доме и дворе разнообразную ползающую, летающую и кусающую живность, изучая ее поведение на досуге и иногда (признаемся честно) препарируя. Он был знатоком местной флоры и фауны: покажи пойманного в траве самого размерзкого таракана – назовет вид, род, семейство и ближайших родственников. Да еще чуть не расцелует от радости: как ты, моя прелесть, прекрасен!

Третьим участником великолепной команды был красавчик, отличник и вундеркинд Вильям Андреев, причина многих сердечных вздохов женской половины школы. У Вильяма был свой круг интересов: книги, компьютеры, живопись, что, однако, не мешало ему водить дружбу с технарем Ильей и звероводом Женькой.

В настоящее время Илья, совсем недавно пришедший из школы и не успевший как следует пообедать, доделывал небольшой автомобильчик – его последнее увлечение. Лицо молодого человека в двух местах уже было выпачкано смазкой, а левое ухо он оцарапал, когда залезал под машину. Этот автомобиль был собран из остатков старого карта, выброшенного на свалку после закрытия секции картинга, перепрофилированной в зал игровых автоматов. Рама, колеса и наполовину разбитый двигатель, их незавершенный сиротливый вид пробудили в Илье сильный творческий зуд. В один из темных вечеров он притащил этот металлолом домой и теперь с огромным энтузиазмом осваивал, превращая в надежное, хотя и аляповатое, транспортное средство.

Заскрипела подпружиненная калитка. Дремавшая в кустах неопрятная собачонка, носящая глубокомысленное и философское имя Спиноза, лениво подняла голову, пару раз вильнула хвостиком и опять закрыла глаза – свои, лаять нет причины. Во двор вошел Вильям.

– У тебя щека в солидоле, – сказал он вместо приветствия.

Илья потер щеку ладонью, но только размазал смазку сильнее.

– А, – махнул он беспечно рукой, – потом умоюсь. Ты лучше помоги двигатель на раму поставить.

– Я чистый, – напомнил Вильям.

– А мы аккуратны.

Ребята осторожно подняли лежавший отдельно двигатель и поставили его на раму. Илья взял ключи, стал привинчивать двигатель большими болтами. Вильям внимательно наблюдал за этой работой, над чем-то размышляя.

– Я знаешь что придумал? Давай на твою машину компьютер поставим.

– Обойдемся. Знаешь, Вильям, у себя дома ты компьютер можешь даже на унитаз поставить, но моя машина не заслуживает такого издевательства.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Вильям, но в его больших серых глазах промелькнуло разочарование.

Пару раз тявкнул Спиноза. Во двор вошел Женя Горский, держа в руках небольшой круглый аквариум с водой, в которой лениво шевелилось какое-то бледное животное.

– Это кто? – заинтересовался Вильям.

– Аксолотль, – ответил Женя.

– Кто-кто?

– Аксолотль, личинка тигровой амбистомы.

– Если это личинка, то кто такая сама тигровая амбиста? Бабочка? – Вильям с некоторой брезгливостью разглядывал розовато-белое создание, лениво плавающее в воде. Кроме четырех лап и хвоста животное имело длинные перистые жабры, торчащие по краям головы, и если бы не необычный цвет и эти жабры, его можно было бы принять за огромного, перекормленного тритона.

– Тигровая амбиста – это мексиканская саламандра. – Пояснил Женя со значением и потряс банку. Вода в банке колыхнулось, и личинка тигровой амбистомы недовольно взмахнула хвостиком.

– Так-так, понятно. Очередное пополнение зверинца?

– Нет. Это Оксанке Сильверстовой подарок на день рождения.

– Ты бы ей крысу подарил, – сдавленным голосом предложил Илья. Он лежал на своем автомобиле в сложной, изогнутой позе, пытаясь закрутить гайку в узком пространстве между двигателем и сиденьем.

– Да, крысу, – подхватил предложение Вильям. – Простую серую крысу. Поставил бы крысоловку в сарае – могу свой сарай предложить – положил бы туда сыру. Наловил бы кучу крыс, а самую большую и зубастую отнес бы Оксанке в подарок. И не тратился бы на этого. ... Как его...?

– Аксолотля. – подсказал Женья. – Крысу, конечно, можно. Восторг бы этот подарок вызвал большой.

– Шумный, – вставил Илья.

– Вот именно. Шуму было бы много, все бы гости разбежались. Но крыса, это как-то несолидно. Крысу Оксанка сама может поймать.

– А саламандра, по-твоему, солидно? – спросил Илья. – Или ты думаешь, если ты падаешь от восторга при виде какой-то ползающей гадости, и все остальные падать должны?

– Ну почему же? Оксанка аквариумных рыбок держит, – возразил Женья.

– Но не лягушек, – сказал Вильям.

– Это не лягушка.

– Все одно – земноводное.

– Подари ей своего полоза, – предложил Илья, справившийся, наконец, с непослушной гайкой.

– Полоз покамест мне и самому нужен....

– Ладно, – заключил Вильям, – пусть дарит свою лягушку. Даренному аксолотлю в зубы не смотрят. А у него, кстати, есть зубы?

– Не заглядывал, – ответил Женья.

– А надо бы, – веско заметил Вильям. – Вдруг станется, что это никакой не аксолотль, а молодой крокодил. Укусит, чего доброго, Оксанку.

– Все одно, лучше, чем крыса, – проворчал Женья.

Он отнес банку в деревянную беседку, с двух сторон обросшую сиренью, и поставил на стол. Животное в банке беспокойно зашевелилось, забило хвостиком.

– Да, – вспомнил Женья. – Вы афишу не видели? К нам краевой музей с выставкой приезжает. Новые археологические экспонаты из могильников и прочее.

Женья взгромоздился на деревянное резное ограждение беседки и уселся на нем, держась за столб, подпирающий навес.

– Нужно сходить, – сказал он, просветиться.

– И так поведут, – угрюмо ответил Илья. – Всех школьников погонят.

– Может и не погонят. Билет пять рублей стоит. В наше кризисное время школа денег может не найти.

– Ладно, сходим, – согласился Вильям. – Когда выставка открывается?

– Завтра.

– А у вас пять рублей найдется? – спросил Илья. – У меня таких капиталов нет.

Женья и Вильям переглянулись.

– Ну что, ссудим нашему безденежному? – Спросил Вильям.

– Ссудим, – согласился Женья, – а то останется непросвещенным в наш просвещенный век.

Над улицей прокатился пронзительный детский вопль. Еще какие-то двадцать лет назад просвещенный гражданин посчитал бы, что какой-то очередной пионер-герой попал в очередные застенки гестапо и теперь подвергается там расчленению:

– Выдай, маленький мерзавец, где скрываются партизаны!

– Не скажу, дяденька фашист. Пионеры своих не выдают!

Однако ни Илья, ни Вильям, ни Женья никак не прореагировали на этот вопль, да и все прочие, живущие на этой улице, не спешили вызывать «скорую помощь» и милицию, чтобы спасти несчастного ребенка. Все давно уже привыкли и не пугались. Такие вопли неслись над

улицей ежедневно: от рассвета до заката, вне зависимости от погодных условий, времени года, политической ситуации в стране.

Вопил Леша Бякин, юное создание восьми лет от роду, и вопил не по причине получения тяжелого увечья. К слову сказать, от полученной им травмы не пострадал бы и хлипкий таракан, но Леша Бякин любое покушение на душу, тело и нервную систему воспринимал как вселенскую катастрофу и выл, выл, выл..., тревожа дворовых собак.

Там, где овраг выходил прямо на улицу, рассекая ее на две половины, стоит дом Бякиных. Вернее, это пара детей: Саша и Леша носили такую фамилию. Мама их звалась Альбиной Мазлумян, а фамилии стариков, бабушки Муни и деда Степана, соседи не знали и по привычке называли их тоже Бякиными. Видимо, фамилия стариков звучала очень неприлично, раз они ее скрывали.

Фамилию главы семейства соседи запомнить не успевали – уж очень часто Альбина Степановна меняла избранников жизни: в год по несколько раз. Путались с именем очередного папаши и сыновья, и чтобы в очередной раз не ошибиться, называли их просто: Дядь. Если успевали запомнить, присовокупляли к слову имя – дядь такой-то.

Альбину застать дома было крайне сложно – она была очень занятой женщиной и все время решала свои семейные проблемы. Вечер и ночь она обычно проводила с друзьями, а днем отсыпалась. На работу или службу не ходила – какая работа, когда столько семейных проблем? Но иногда у нее просыпались творческий зуд и желание трудиться, и тогда Альбина отправлялась странствовать по бескрайнему евразийскому пространству, именуемому когда-то Страной Советов. Обычно для таких целей Альбина становилась проводником железнодорожного вагона или кассиром передвижного цирка.

Дед с бабкой воспитывали внуков кнутом и сухарями – на пряники скупались. Чаше всего Саша и Леша были предоставлены сами себе и развлекались, как придется. Обычно Саша проводил над младшим братом эксперименты по выживанию: надевал ему на голову пустое ведро, связывал ему руки веревкой, вешал за ногу на дерево. Леша в таких случаях страдал минимально, но выл пронзительно и громко, стараясь, чтобы услышала бабушка. Знал он, каким способом можно разжалобить бабушку и дедушку и подвигнуть их на наказание старшего брата. Обычно бабушка, услышавшая горестные вопли младшего внука, прибегала на шум, держа в руках деревянный прут, и начинала читать нотации, обещая пороть. Иногда порола, если ей удавалось Сашу догнать.

Но Лешу могла слышать и мама. И тогда прут, и не только прут, но и веник, ремень, швабра, вантуз, кухонная тряпка, домашние тапочки, собачий поводок гуляли по спинам и прочим местам уже обоих братьев. Альбина становилась крайне раздражительной, если кто-то пробуждал ее от сладкого дневного сна.

Сегодня Саша вдруг озадачился крайне насущной проблемой: как можно убежать из американской тюрьмы с пушечным ядром, прикованным к ноге. Он привязал к ноге младшего брата трехкилограммовую гантель и теперь понуждал его к бегству, бросая камни. Леша орал благим матом. На Сашино счастье бабушка ушла на почту получать пенсию, вместе с ней пошел дед, а мама Альбина крепко спала в своей комнате, нагло таившись предварительно снотворного.

На помощь Леше пришла соседка, Сашина одноклассница Леночка Шайкина. Она жила вместе с толстой мамой и худой бабушкой в доме напротив. Леночка решительно открыла железную калитку и вошла во двор.

– Сашка, – сказала она решительно, – ты зачем Лешку обидел?

– Я его не трогал, – возразил Саша.

– А чего у него гантель на ноге?

– Он спортом занимается. Хочет культуристом стать.

– Да, – увидев поддержку, Леша расквасился еще больше, – он мне гантелью чуть ногу не оторвал. И камнями бил, вот сюда и сюда.

- Ногу тебе я бы не оторвал – ты прочный, а раны твои не от камней, а от нашего петуха.
- Сашка, это же твой брат, – назидательно сказала Леночка. – Ты его любить должен.

У Леночки иногда просыпалось желание нести в народ разумное, доброе, вечное, стать проповедницей вроде матери Терезы или, на худой конец, женой американского президента. Но обычно Леночка мечтала сделаться суперзвездой: актрисой или певицей – не важно, главное, чтобы все вокруг восхищались. К подобной «звездной» жизни Леночка себя заранее готовила. Не смотря на свои двенадцать лет, она уже вовсю пользовалась косметикой, нанося решительные и жирные мазки грима на щеки, веки, губы. В таком макияже ее почему-то сильно пугались дворовые собаки и маленькие дети. Кроме этого Леночка носила яркие цветные наряды, стараясь потрясти соседей и одноклассниц своей оригинальностью и неотразимостью. Все последние веяния моды, почерпнутые из молодежных журналов, сразу же заставляли Леночку волноваться, после чего начинали волноваться мама Анна Павлиновна и бабушка Прасковья Опанасовна – уж слишком дорогими оказывались увлечения девочки и ее устремления к «звездной» жизни.

Сейчас Леночка была одета в широкую сорочку из синтетического шелка, застегиваемую одной пуговицей. На тонкие, чуть кривоватые ноги она натянула узкие, громко шуршащие дерматиновые штаны. Ниже шли туфли на высоких каблуках. Отсутствующую талию Лена пыталась подчеркнуть широким красным ремнем. На шею она повесила тяжелый мельхиоровый крест. Тяжелые серьги оттягивали уши. Когда Лена шевелила головой, серьги отчетливо звенели.

– Тебе можно рассуждать, – сказал Саша, – у тебя ни братьев, ни сестер нет. Был бы у тебя вот такой Лехоша – наплакалась бы. (Своего младшего брата Саша называл разными прозвищами, но «Лехоша» было основным.)

– Он же маленький! – воскликнула Леночка. («Маленьким» называла внука бабушка Муня, по ее мнению звание «маленький» равнялось депутатской неприкосновенности.)

– Я маленький, – подтвердил диагноз Леша и округлил для выразительности свои глаза.

– Ну и что? – удивился Саша. – Маленький. Я в его годы...

– В штанишки писался, – подсказал Леша.

– Заткнись, Гнида! (это не оскорбление – это еще одно прозвание Леша Бякина.) Ты НЕ ТОЛЬКО писаешься!

– Ну-у, – обиженно промычал Леша. Саша выдал его семейную тайну, которая уже давно не была ни для кого секретом.

– Вот и «ну». Молчи лучше и не вякай.

– Дурак! – взвизгнул Леша. Молчать он не желал.

– Ладно вам, – урезонила их Леночка. – Поиграли бы во что-нибудь.

– Давай камнями по кошкам кидаться, – оживился Саша. Эта азартная игра более всего соответствовала его душевным наклонностям.

– Кидались уже, – напомнил Леша. – Кто Кариным окно разбил?

– Так это же ты был, – напомнил Саша.

– Нет, это твой камень был.

Саша аж задохнулся от такой наглости, ничем не прикрытой лжи.

– Чего ты брешешь?! Это твой камень был!

– Не мой, а твой. Тебя дедушка бил, а не меня, а я – маленький!

– Кидать камнями в кошек жестоко, – насупилась Леночка.

– Тогда по собакам, – предложил Леша.

– Или по Лехоше, – Саша достал из цветника комок сухой земли и бросил им в младшего брата. Леша выгнулся, закатил глаза, широко распахнул рот и взвыл, словно в него метнули кинжал.

– Вот видишь, – обратился Саша к Лене. – Я в него даже не попал.

– Попал, – проскулил Лехоша. Он размышлял: изображать ли предсмертную агонию сейчас или повременить до возвращения бабушки? – Вот та-аким булыжником.

– Песком.

– Булыжником! Вот этим кирпичом. – Леша поднял с земли кусок кирпича, валявшийся во дворе с незапамятных времен.

Саша выразительно посмотрел на Леночку: врет, мол, и глазом не моргнет.

– С вами только играть, – проворчала Леночка. – Давайте лучше сегодня вечером духов вызывать будем.

– Каких духов? – Заинтересовался Саша.

– Духов умерших. Берешь тарелку, рисуешь на ней стрелку. Чертишь на бумаге круг и буквы рисуешь. Потом на тарелку кладешь руки, тарелка начинает вращаться, и стрелка на буквы указывает. Слова получаются. Ты вслух задаешь духам вопросы, они тебе отвечают. Могут даже твое будущее предсказать.

– Да-а?! – обрадовался Саша.

– Да.

– И каких духов можно вызывать.

– Хоть каких. Хошь – Петра Первого, хошь – твоего умершего прадеда.

– А если я не знаю прадедов своих?

– Тогда не вызовешь. Духов по именам вызывать надо.

Саша помрачнел. Имен своих предков он не знал, их преступное прошлое старательно скрывали бабушка и дедушка, а имена великих людей... Саша даже не знал, что такие люди бывают. Саша знал соседей, знал некоторых своих родственников, с кем не успела рассориться охочая до склок Альбина, знал всех станичных начальников, бандитов и прочих прохиндеев, но только потому, что о них за столом рассказывала бабушка. Знал Саша и многих российских «звезд» – об их ссорах и тусовках рассказывали все каналы телевидения. Однако все они были еще живы, а для вызывания требовались мертвые. Так что Саша решил ограничиться Леночкиными дальними родственниками, полагаясь на ее знания семейной генеалогии.

– Когда темнеть начнет, приходи, – сказала Леночка. – С нами Любка и Анфиска будут.

– Да-а-а? – разочаровался Саша.

– Ты что-то против них имеешь? – с подозрением спросила Леночка.

– Да нет, ничего, – поспешно ответил Саша.

– Я тоже духов вызывать хочу, – объявил Леша.

– Обойдешься, – сказал Саша.

– Пусть приходит, – миролюбиво согласилась Леночка, а Саша недовольно засопел – не любил он своего брата.

Леночка ушла, а Саша стал вешать на уши младшего брата бельевые прищепки, утверждая, что с такими клипсами он выглядит неотразимо. Леша своей неотразимости не оценил и поднял вой, больше похожий на визг придавленного поросеночка. К этому времени бабушка Муня вернулась домой и теперь стояла перед двором, обсуждала с соседками станичные сплетни. Быстро распахнув калитку, бабушка ворвалась во двор и с удивительным для своего возраста проворством схватила Сашу за белобрысый чубчик.

– Сашка, ты почто Алешку маленького обидел? – вопрошала бабушка Муня, теребя Сашины волосы. – Ты же большой, а он – маленький. Пороть буду, Сашка, пороть. Даже если ты вырвешься, если убежишь, я догоню и буду пороть. Куда бы ты не убежал, куда бы не спрятался, я тебя догоню и пороть буду!

Саша терпеливо молчал, а Леша цвел майским растением и, кажется, начинал благоухать.

Надобно отметить, что все бабушкины назидательные рекомендации отличались некоторой однообразностью и заикленностью: Леша маленький, а потому неприкосновенен, и Саша

ни по какой причине не смеет его обижать. Если же он не выполнит запрет, его будут пороть, даже в случае эмиграции на остров Занзибар.

Покончив с воспитанием, бабушка отпустила Сашин чубчик, чтобы вернуться к соседкам. Воспользовавшись этим, Саша отвесил Лешке хороший подзатыльник, от чего тот повалился на землю, и сопровождаемый визгом придавленного поросеночка скрылся за домом.

Во дворе Бякиных, густо засаженном грецкими орехами, вишнями и виноградом, находилось два жилых строения. Одно из них – дом, кирпичный, квадратный в сечении, трехкомнатный, крытый железом и покрашенный известью в белый цвет. В доме самолично проживала Сашина мама, когда с мужем, когда без него. Во втором строении, используемом изначально в качестве летней кухни, жили все остальные: Саша с Лешей и бабушка с дедушкой. Жилища так и различали: «дом» – для мамы с «папой», «кухня» – всем остальным.

К задней стене дома была приставлена лестница, ведущая на чердак. Чердак – крайне удобное и потаенное место, где можно было переждать любые природные и жизненные катаклизмы, а также гнев родственников. Лестница уже давно требовала починки, так что достать Сашу с чердака могла только решительная мама, да и то в моменты сильного гнева. Поэтому в случае опасности Саша первым делом прятался на чердаке, где у него было заготовлено лежбище.

В мире есть много людей, страдающие разнообразными хобби и тратящие на увлечения все свое время и деньги. Илья Карин, например, собирал машины, Женя Горский разводил разнообразную живность, Леночка коллекционировала модные шмотки, тратя на них мамины и бабушкины деньги. Саша тоже относился к породе увлеченных людей, но Сашино хобби было еще более рискованным и азартным. Саша любил воровать. Все, что угодно, лишь бы вид украденных вещей радовал глаз.

Под старым шкафом, лежащим на боку в дальнем конце чердака, Саша оборудовал тайник, где хранил свои богатства. В моменты сильных нервных потрясений, когда душа и тело требовали релаксации, и разозленные родственники ходили по двору, дабы побить, Саша забирался на чердак, отодвигал шкаф, доставал из-под него свои раритеты и начинал любоваться, как любитесь своей коллекцией опытный коллекционер.

Вот и сейчас Саша достал из-под шкафа большую картонную коробку, откуда по очереди стал вынимать разные предметы, рассматривать их на свету, ласково поглаживать, даже облизывать.

Вот коллекция автомобильных моделей. Ее Саша украл у двоюродного брата, после посещения в день рождения. В подарок Саша принес помятый, черствый, ядовито-пестрый торт, а обратно унес коллекцию. Следующей Саша достал золотую цепочку с брелоком в виде знака зодиака. Украшение Саша стащил у одноклассницы, а потом еще и сочувствовал ей, вытирал слезы, вместе со всеми искал вора. Несколько наборов гелевых ручек, фломастеров и цветных карандашей Саша позаимствовал у одноклассников, а коллекцию минералов стибрил из кабинета географии. Поломанный микроскоп Саша вынес из морга, стоящего на самом краю оврага, когда вместе с Лешей ходил любоваться трупами. Последней на дне коробки лежала огромная книга, украденная из районной библиотеки. Книг Саша не читал в принципе, но этот массивный медицинский справочник по проктологии было приятно взвешивать в руках, представляя лицо младшего брата Лехоши после удара этим фолиантом по голове. Сколько предметов, сколько приключений, сколько воспоминаний...

Успокоив нервы, Саша сложил свои вещи, засунул обратно под шкаф и полез вниз, размышляя над способами пополнения коллекции.

Ранняя осень отличается на Кубани одной приятной особенностью – она наступает поздно, не соотносясь с календарной датой. Так же, как и летом, цветут цветы, поют птицы, днем стоит одуряющая жара, а вечер нежен, тепл и бархатист. Такое может продолжаться

до середины октября, а уж потом, как цепные псы, срываются дождливые ветры, и летит под ноги золотистый лист.

На станицу Ряжскую опустились пряные сумерки. Дым от сожженного бурьяна собирался в неподвижном воздухе в тяжелые, белесые пласты, которые хвостатыми призраками висели над землей, заслоняя пейзаж. Ожили улицы, безлюдные в дневное, рабочее время. Выбрались из своих домов женщины, собрались в кучки на лавочках: семечки лузгать, да сплетни слушать. Мужички постарше объединялись в небольшие коллективы, обычно не больше трех, дабы выпить водочки и посудачить о политике, рыбной ловле и ремонту автомобилей подручными средствами. Те из них, кто уже носил гордое звание алкаша, группировались в клубы побольше и пошумнее. Очень часто такие собрания перерастали в мордобои, когда наиболее ретивых и шумных приходилось умирять кулаками. Молодежь дружно двинулась в центр на дискотеку или к пивным барам, а дети помладше, коих на дискотеку еще не пускали, резвились на улицах, оглашая округу громким визгом.

Илья и Вильям давно привыкли ходить друг к другу в гости, так у них повелось еще с дошкольных, «садичных» времен. Жили они на одной улице, в квартале друг от друга. Как и у Ильи, двор Вильяма, задней, так сказать, огородной частью выходил на обрывистый склон горы, откуда открывался великолепный вид на Кубанскую долину, поля и леса за Кубанью. Иногда в пасмурную погоду над горизонтом вставали очертания Кавказских гор, в обычное время не видимые. Но ребята давно привыкли к этому пейзажу, и он пока не трогал их сердца. Они сидели за небольшим садовым столиком, установленным среди розовых кустов, и играли в шахматы – это было их любимым времяпровождением. Женя жил чуть в стороне и поэтому не всегда мог участвовать в таких интеллектуальных поединках.

Семья Андреевых относилась в станице к разряду богатых, но не «крутых». «Крутой» – это тот, кто связан с «мафией», у которого «крутой» дом, «крутая» «тачка», друзья у него тоже «крутые», могут свободно ходить по улицам с пистолетом за поясом, а сотрудники милиции подбегают к ним на полусогнутых и суетливо жмут ручку. И пусть отец Вильяма работает руководителем большого банка, и у них двухэтажный дом. С телохранителями он по улицам не ходит, в барах не сидит, и не бродит по двору свора злющих собак бойцовых пород. Не берутся в расчет станичными сплетниками профессорское звание, полученное ранее в секретном оборонном институте. «Чудак человек, Мишка Андреев, – судачили станичники, – денег куры не клюют, а „крутым“ не стал».

И только родные знали, что деньги не были для Михаила источником счастья. Работал он за несколько сотен километров, приезжая только на выходные – так безопаснее для семьи, но тяжело и одиноко. А пару раз Вильям видел, как на глаза отца наворачивались слезы, когда он смотрел семейный альбом. В этом альбоме были фотографии, где отец стоял на стартовой площадке космического корабля «Буран» или в компании известных нынче космонавтов. Один раз мама проговорила, что папа мог стать одним из них, но помешал развал Советского Союза....

Шахматная партия не клеилась. Юные гроссмейстеры уже склонялись к идее решить все ничьей, когда на улице раздался хриплый и злобный вопль известного всей станице алкаша Юрки Тузика.

«Чтоб тебя, карга старая!» – Орал Тузик на всю округу, приводя в неистовство дворовых собак. Потом пошел отборный русский мат, разухабистый и цветистый, удивляющий своими необычными оборотами и интересными сравнениями.

Мальчики оставили шахматы, метнулись к забору, забрались на перекладину, чтобы поверх забора взглянуть на происходящее на улице.

Тузик продолжал орать. Он стоял посредине улице, размахивал руками и был весь какой-то мокрый. Юрка был сорокалетним, невысоким мужичком алкоголистической наружности, с длинным, выступающим вперед носом, чуть лысоватый, неопрятно одетый. Он славился

на всю округу своим склочным характером и желанием доказывать свою правоту кулаками. Но простых смертных, людей не из своего аристократического круга деревенских алкоголиков он обижал редко, даже в пьяном виде, потому что побаивался.

– Хи, – обрадовался Илья. – Нюрка Юрку водой облила!

– Я что-то пропустил? – завистливо спросил Вильям. – Какие новые веяния появились у нас на улице?

– Нюрка Матвеева новый способ изгнания духов изобрела. С помощью кипятка.

– А Тузик, выходит, этими духами одержим?

– Ага.

– Так в нем только один дух обитает – спиритус вини, алкогольный дух вина.

– Но дух, – веско сказал Илья. – Нюрка, добрая душа, хочет Тузика исцелить и от этого духа избавить. Ты «Экзорциста» смотрел? Вот Нюрка и вообразила себя спасителем человечества от нечистой силы.

– Только Тузик спастись не хочет?

Нюрка Матвеева – восьмидесятилетняя старуха, сварливая, как свора шавок, давно выжившая из ума, вернее никогда, даже в молодости, этим умом не обладавшая. Голос у нее напоминал скрипение старого радиоприемника: монотонный, загробный. Лицом, белесой, творожистой маской с узкими прорезями глаз можно было пугать людей. Но энергии у этой древней мумии хватило бы и на сотню более молодых женщин. Материлаась она почище Тузика, камнями, особенно в детей и кошек, швырялось далеко и метко. Кур воровала, бутылки собирала, самогон гнала. А еще старуха любила смотреть фильмы ужасов. Подсадил Нюркин внук свою бабушку на старости лет на наркотическую иглу триллеров и хорроров. Однако фильмы эти старуха принимала за чистую монету и руководство к действию. Теперь целыми днями, в промежутках между кражами кур, сварами с родственниками и соседями и превращением сахарной браги в воняющий сивухой напиток старуха охотилась на демонов, вампиров, колдунов. Иногда просто лазила по оврагу в поисках нечистой силы, иногда, как в данном случае, атаковала ни о чем не подозревающего Тузика.

Тузик продолжал орать. Но Нюрки поблизости не наблюдалось. По всей видимости, исполнив это быстрое нападение, старуха скрылась. Досужие соседи и особенно соседки выби-
рались из своих дворов: расспросить Юрку о причинах поднятого им шума. Вскоре собралась толпа. Тузик, польщенный таким вниманием, мешая цензурные слова с нецензурными, стал рассказывать о своей беде, о Нюрке, старой ведьме, о кипятке, на него вылитом. Народ живо принялся обсуждать событие, но к выводу пришел неоднозначному. Может быть, Нюрка из ума и выжила, но с Тузиком тоже не все чисто. Может, духи в него и вселились, так что старуха его не зря лечит. Вильям и Илья эту ахиною уже слушать не стали и вернулись к своим шахматам.

Глава вторая

из которой мы узнаем, почему нельзя вызывать духов....

Леночка Шайкина вместе с подругами и братьями Бякиными вызывала духов. Ее мама и бабушка, сидя перед двором на лавочке, вместе с соседками обсуждали мировые проблемы, деревенские сплетни и прочие новости, достойные обсуждения. Их отсутствие позволило Леночке привести друзей в маленькую летнюю кухню, стоящую в тени высоких груш позади дома. Было тесно, душно, жарко. На столе, шкафу, посудной полке горели свечи, и их колеблющийся свет создавал атмосферу загадочности и волнительной тревожности. Леночка, две ее подруги: Люба и Анфиса, Саша Бякин сидели вокруг стола, на котором был расстелен большой лист ватмана с нарисованным на нем кругом и буквами русского алфавита. Суетливого Лехошу затолкали в узенькое пространство между шкафом и газовой плитой. Леша сидел там на маленькой табуреточке, напряженно вертел головой, все время чесался, словно его едят вши и блохи, и сосал большой палец на левой руке. Обсасывание пальцев было любимым занятием обоих братьев наряду с воровством и драками друг с другом.

Анфиса, тощая, вообразившаяся девочка, изображала из себя медиума. Она закатывала глаза, заунывно стонала, призывая сонмы духов пожаловать к ним в гости. В центре нарисованного круга лежала перевернутая суповая тарелка, на которой губной помадой нарисовали жирную стрелу. Саша и девочки касались краев тарелки кончиками пальцев, осторожно вертели тарелку, ожидая внятных ответов. Но внятных ответов не поступало. Все портил Лехоша.

Только-только какой-нибудь обретший решительность дух пожалует к ним в гости через специально открытую форточку, только-только начнет отвечать на поставленные вопросы, Лешке что-нибудь понадобится. То ему пить захочется, то писать, то его темнота испугает, и он вззоет громко, то его таракан за палец укусит. А в самый неподходящий момент, когда сам Наполеон залетел к ним на огонек и соблаговолил рассказать о загробной жизни, Леша испортил воздух, да так громко и зловонно, что все сначала испугались, приняв грохот за взрыв газа в газовой плите, а потом дружно выбежали во двор. Газ оказался смертельно ядовитым, и пришлось долго проветривать помещение.

– Лехоша, гнида ты, помойка! – прошипел Саша по возвращении. – Если еще раз это повторится, я тебя убью!

– Ну-у, – обиженно промычал Леша.

– Да, – поддержала Сашу Леночка. – А еще какой-нибудь дух возьмет и в тебя вселится. Станешь тогда одержимым.

– А знаешь, как Нюрка одержимость из Тузика выгоняет? – продолжил Саша. – При помощи кипятка. Будет и за тобой бегать, горячей водой обливать. Ошпарит, кожа с тебя слезть начнет, с мясом вместе.

– Ой! – испугался Леша.

– Так что молчи и не шевелись.

– Даже нос почесать нельзя?

– Даже нос. Иначе станешь одержимым....

– ...И вареным, – закончила Леночка.

Леша сразу же одеревенел.

– Отлично, – обрадовалась Леночка. – Теперь кого вызывать станем?

– Ленина, – предложила Люба, девочка полная, еще толще Леночки, в больших, круглых очках. – Гитлера, Сталина, Ломоносова, Александра Македонского.

– Жглота! – решительно объявил Саша, вдруг вспомнив, что и он знает кое-кого из знаменитостей. – Вот кто – самый великий человек.

По мнению Саши, да и всей станичной шантрапы такого же пошиба, районный рэкетир и «смотрящий» по кличке Жглот был самым великим в мире человеком. Перечисленные Любой имена Саша, конечно, слышал, но они не находили в его душе должного отклика. «Какие-то ленины, сталины, ломоносовы, что в них особенного, что они такого совершили? Денег заработали? Так у них шестисотого „Мерседеса“ не было. Тоже мне гении».

Бандит Жглот отправился в мир иной в начале года. Причем его кончина была на редкость неприличной, не достойной такого высокого и известного в криминальных кругах имени. Жглота не расстреляли из автомата, не взорвали в автомобиле, он даже не умер от цирроза печени – смерть приемлемая в кругах любителей алкоголя. Жглота укусил за палец любимый тойтерьер жены, собачка маленькая, карманная, и Жглот, не ожидавший, что на его значительную персону покусятся столь незначительное животное, умер от инфаркта.

– Ну, хорошо, – согласилась Анфиса. – Будем вызывать Жглота. Дух Жглота, явись! – Анфиса закатила глаза, стала покачиваться из стороны в сторону, вращать головой, напуская на себя какое-то подобие транса. – Дух Жглота, мы призываем тебя.

Анфисе стали вторить остальные, кроме Лехоши. Леша еще как-то мог принять, чтобы в его тело вселился Ломоносов или Гитлер, но Жглот..., Жглот – это страшно, это слишком значительно для хрупкого тела. Поэтому Леша молчал, боясь пошевелиться.

Анфиса взяла тарелку подержала ее немного над пламенем свечи, от чего на краях осели черные пятна копоти, потом поставила тарелку на ребро и резко опустила на стол. По ее мнению такой способ позволял прихлопнуть духа тарелкой и не дать ему улететь.

– Дух Жглота, ты здесь? – провыла Анфиса и начала елозить тарелкой по бумажному листу с буквами. Вскоре стрелка остановилась на слове «Да».

– Он здесь, – сообщила Анфиса. – Задавайте вопросы.

Ребята испуганно переглянулись, а Лехоша вторично громко испортил воздух.

– Ну, – робко начал Саша. – Вступлю ли я в мафию, когда вырасту?

Сделаться крутым бандитом было Сашиной серебряной мечтой, смыслом существования, целью жизни. По его мнению, и мнению ему подобных, настоящий мужчина должен состоять в мафии, служить в милиции или, на худой конец, сидеть в тюрьме.

Все стали вращать тарелку. Стрелка на крае вертелась, останавливалась на мгновение возле какой-то буквы шла дальше. Выходила какая-то абракадабра, словно Жглот собрался разговаривать с ними на китайском языке. Потом стали проступать русские слова, но слова ругательные. Возможно, это была последняя тирада, произнесенная Жглотом в момент собачьего покусания. О Сашином вступлении в мафию здесь речь не велась.

– М-да, Сантер, – заключила Леночка. – Не хотят тебя в мафию принимать.

Вдруг влетевший в форточку резкий порыв ветра распахнул дверь и задул все свечи. В наступившей темноте и тишине раздался громкий хриплый голос:

– Я убью тебя! На перо посажу, и никто тебе не поможет!

– Ай! – первым завыл перепуганный Лехоша. Он резко дернулся и опрокинул на себя стоявший на плите чайник. Второй свалилась под стол теряющая сознание Анфиса.

– Он говорит! – заверещала Леночка.

– Он хочет в меня вселиться! – вопил мокрый и ударенный чайником Лехоша.

Хриплый голос продолжал разноситься по округе:

– И твой кипятильник тебе больше не поможет! Сейчас только до тебя дотянусь.

– Он говорит! – тоненько верещала под столом Анфиса, потерять сознание ей не удалось.

Саша Бякин предположил, что Жглот, разозленный нетактичным вопросом про мафию, пришел именно за ним, что в мафию Саша таки попадет, но только в потустороннюю. Саша попытался убежать, но заплутал в темноте и со всего размаху врезался в стену. Зазвенела

посуда, посыпались с полки ножи, ложки и вилки. Обрушился в раковину кусок штукатурки с потолка, потревоженного Сашиним ударом.

– Карга старая, ведьма! – хрипел пропитым голосом дух. – Кипятком, как куренка, ошпарила. Убью, сейчас же убью.

– Это не дух, – вдруг догадалась Леночка. – Это Тузик орет. Его Нюрка снова кипятком ошпарила.

– Хи-хи-хи, – тоненько и неубедительно засмеялась Анфиса.

– Хо-хо-хо, – засмеялся Саша, но тоже как-то истерически, пытаясь заглушить страх.

Но Леша не смеялся. Напуганный, облитый горячей, слава Богу – не кипящей, водой, ударенный железным чайником по самому темечку, он громко расплакался и попросился домой.

Включили свет. Достали из-под стола Анфису. Вытерли грязной кухонной тряпкой Лехошу. И разозленный Саша пинками погнал его домой.

– Я, помойка ты несчастная, – ругался Саша, – только-только хотел Жглота спросить, судьбу свою узнать, а ты...

– А что я? – ныл Леша. – Меня водой горячей обожгло. Я, может быть, умру скоро, от ожогов.

– Не умрешь. А вода от духов помогает. Зря, что ли, Нюрка Тузика водой обливает. Тебя, может быть, это только и спасло.

– Да-а-а, – неубедительно согласился Леша. – Но мне же больно! И чайником меня по голове ударило. У меня теперь сотрясение мозгов.

– У тебя не может быть никакого сотрясения, – безапелляционно объявил Саша.

– Это почему? – Заинтересовался Леша.

– Нету у тебя мозгов. Нечего там сотрясать. А чайник по голове тоже от духов помогает. Может, он злого духа из тебя и вышиб, жизнь твою спас.

Открыв высокую железную калитку, оснащенную крайне тугой и ударной пружиной, братья вошли во двор. Во всех окнах маминого дома ярко горел свет. Ревела музыка, от которой отчетливо дребезжало оконное стекло. По этой светозвуковой активности братья догадались, что мама находится в доме не одна, и возможно уже к утру у них появится новый папа.

Саша и Леша не ошиблись. Сегодня вечером, пока они вызывали духов и получали чайниками по голове, Альбина познакомилась с каким-то мужиком, привела в гости, твердо решив выйти утром за него замуж. На взыскательный взгляд обретенный кандидат в мужья выдающимися качествами не отличался. Росточка он был маленького – ниже самой Альбины. Рыжеватая шевелюра, сильно прореженная бурной молодостью, требовала починки в соответствующей клинике. Цвет лица был желтовато-землистым, что говорило о любви к горячительным напиткам. А блудливые глазки так и бегали из стороны в сторону, оглядывая дом и меблировку.

Альбина этих подозрительных симптомов не замечала. Она накрыла щедрый стол, купила вина и водки и теперь потчевала жениха едой, выпивкой и музыкой.

Густой сигаретный дым закрывал очертания комнаты – курили как будущий муж, так и сама Альбина. Громкая музыка и алкоголь выбивали из мозгов скромные остатки благоразумия. Потом мужик, чтобы потрясти избранницу своей музыкальностью принялся подпевать магнитофону. Его пронзительный фальцет, похожий на скрежет циркулярной пилы, произвел на Альбину неизгладимое впечатление. Она закатила глаза и радостно зааплодировала.

Саша и Леша задержались на некоторое время под окнами, пытаясь разглядеть гостя сквозь незанавешенные окна, и определить, какую новую пакость им приготовила судьба, а потом пошли на кухню. В «кухню», в это скромное жилище стариков и детей, вели два входа: со стороны дома и с южного крыльца, с которого были видны все закубанские окрестности. Братья вошли в жилище с задней стороны, прошли в свою комнату, вернее коридорчик между комнатой деда с бабушкой и настоящей кухней. Саша продолжал отчитывать Лешу за нетактичное обращение с духами:

– Все из-за тебя, помойка! Кто мне теперь скажет: вступлю я в мафию или нет? Чихаешь, воздух портишь, чайники на себя роняешь....

– Горячие, – напомнил Леша.

– Живой же! – взорвался Саша. – Я, может быть, жить теперь не смогу. Я в мафию хочу!

– Давай тогда мы тоже духов вызовем, – предложил Леша.

– М-м-м..., – задумался Саша.

– Ты же видел, как Анфиска духов вызывает: берешь тарелку, крутишь, дух отвечает. Я тоже духов спросить хочу, стану ли я богатым-пребогатым?

– Можно попробовать, – неуверенно согласился Саша. – Свечи у нас есть?

– У бабушки в шкафу целая куча.

– Так. А тарелка?

– Что мы тарелку не найдем?

– Хорошо, – согласился Саша. – Я тогда беру свечи, рисую круг с буквами, а ты иди за тарелкой.

Стариков в доме не было. Бабушка Муня перерабатывала станичные новости в компании Шайкиных, а дед Степан отправился в гости к таким же, как и он, старикам: вспомнить былое, поругать современность, заклеить ядреным словом представителей власти.

Саша пошел искать свечи. Набожная бабушка хранила в своем шкафу целую пачку церковных свечей: когда за здоровье близких и родственников в церкви поставить, когда за упокой почивших в бозе предков. Она бы крайне опечалилась, узнай для какой богомерзкой цели, какой является спиритизм, решил использовать Саша ее запасы. Саша печалить бабушку не любил, поэтому стащил свечи без спросу, воткнул их в стакан с солью, этот способ он почерпнул тоже у бабушки. Потом Саша вырвал из альбома по рисованию двойной лист, нарисовал на нем круг, больше похожий на бесформенную картофелину, написал вокруг буквы. С русским алфавитом, как со всеми прочими, Саша знаком был плохо, поэтому дважды написал букву «Ю», зато забыл поставить «З», «Э» и «Й». Потом он зажег свечи и стал ждать Лешку.

В комнате стоял мистический золотистый свет, пробуждавший в Саше мечтательное предощущение своего грядущего успеха, возможности стать крутым и «отмороженным» бандитом. Где-то за темными, вечерними окнами витали многочисленные духи, среди которых был и дух великого Жглота. Духи давно выстроились в очередь, дабы порадовать Сашу предсказаниями. В их благорасположении Саша нисколько не сомневался.

Шло время. Свечи растекались замысловатыми восковыми лужицами, но Лешка с обещанной им тарелкой не приходил. Саша начал беспокоиться. Наконец Леша пришел и принес алюминиевую миску, помятую и поцарапанную. Из этой миски бабушка кормила кошку.

– Это что? – брезгливо поморщился Саша.

– Нету тарелок, – сообщил Леша, водружая миску на стол.

– Как это нету?

– Сам посмотри.

Саша пошел на кухню, чтобы проверить. Обыск в многочисленных столах, настенных шкафах и ящиках привел Сашу к неожиданному открытию: никаких тарелок, чайных чашек и блюдец у них на кухне нет – сплошные железные эмалированные, пластмассовые или алюминиевые чашки и кружки. Разрушительная гиперактивность обоих внуков давно лишила стариков всего быющего, а новые тарелки и стаканы они до совершеннолетия братьев покупать не решались. Все быющиеся предметы складировались в доме, и ими распорядилась только мама. Правда в одном из шкафов Саша нашел огромное фаянсовое блюдо, предназначенное, наверное, под жареную индейку, но таким блюдом можно было вызывать только духов динозавров, циклопов и прочих гигантов.

– Знаешь, Лехоша, – вспомнил Саша. – У мамы в доме есть целый сервиз.

– Есть, – уныло согласился Леша, – в шкафу на антресоли.

Лешина унылость объяснялась плохими предчувствиями.

Роскошный сервиз на двенадцать персон был настоящей маминой гордостью. Чешского производства, нежных цветов, почти просвечивающийся, он вмещал в себя огромное количество тарелок всех размеров, блюда для мяса, рыбы, солонки, соусниц, салатниц, прочих предметов, назначение которых знал только настоящий аристократ. Была здесь и огромная суповая миска с крышкой, украшенной цветочной розеткой. Все это достояние хранилось на высокой антресоли в прихожей дома и оберегалось, как богатства Алмазного фонда.

– Пойдем, возьмем себе потихоньку тарелку, а когда духов повызываем, обратно вернем.

– Может, не надо? – робко спросил Леша.

Конечно, мама женщина нежная и любящая, изредка, если не на гулянке, может и сказочку на ночь рассказать, и конфеткой угостит, когда такая конфетка имеется в наличии, но в момент сильной душевной тревоги и гнева может и убить. Мамину тяжелую руку братья Бякины частенько ощущали, и у них – особенно у Лешки – не было желания ощущать снова.

– Да мы потихоньку, – настаивал Саша, ему очень сильно хотелось услышать положительный вердикт духов. – Возьмем на пару часов и сегодня же вернем.

– Да, а мама дома, – напомнил Леша, нервно почесывая пятую точку. Воспоминания о прежних грандиозных порках стали отдаваться нервным зудом в обоих полушариях его тощего зада.

– Чего, трусишь? – Саша привел самый жестокий аргумент. – Мы остороженько. Никто не увидит. Мама нашим будущим папой занята.

– Ладно, – решился Леша. – Только осторожно.

Вот чего-чего, а осторожности, аккуратности и незаметности братьям Бякиным было не занимать. Они имели богатый опыт проникновений в разные запретные места, что могло сделать честь и легендарным ниндзя.

Обычно после обретения нового кандидата в мужья, Альбина начинала его прикармливать, устраивая большое застолье. Саша и Леша, чей обыденный рацион отличался скудностью на разносолы, а блюдами их бабушки можно было потчевать только по приговору суда, часто проникали в дом, дабы спереть что-нибудь вкусненькое со стола.

Сегодня они превосходили самих себя и ниндзя в незаметности, пробравшись в прихожую дома ползком. Вернувшийся домой дед Степан ничего не услышал, когда его внуки прошмыгнули перед его носом от кухни к дому, а видел он всегда плохо.

Прихожая. Вешалка для одежды в правом углу. Две закрытые двери: одна в спальню, другая в гостиную, где веселилась сейчас Альбина Степановна и ее очередной избранник. Шкаф, антресоль. Узенький лучик света, проникает сквозь плохо прикрытую дверь, светится лампочка над входом. И музыка, громкая, как на дискотеке, заставляющая даже лишенные способности к движению комнатные растения подпрыгивать в такт.

В прихожую-то братья проникли, но вот незадача: антресоль располагалась высоко, и малорослым братьям, даже вставшим на стул, было до нее не дотянуться. Сообразительный Лешка вскоре нашел выход. Он достал из шкафа большой картонный ящик, казавшийся на вид прочным, способным выдержать вес старшего брата. Ящик поставили на стул, а потом на эту шаткую композицию взгромоздился Саша. Теперь ему удалось открыть дверцу антресоли, и весь сервиз во всей своей изысканной красе предстал перед их взором. Сервиз был аккуратно уложен в несколько рядов. Внизу стояли большие тарелки и блюда, на них – тарелки для бульона, выше шли тарелки для вторых блюд, тарелки пирожковые, десертные. А на самом верху, как украшение стояла суповая миска с крышкой, украшенной цветочной розеткой.

Саше не была нужна миска с розеткой и большие тарелки для его магического действия негодились, поэтому он попытался осторожно вытянуть средних размеров тарелку из сере-

дины фарфоровой пирамиды. Однако, когда он потянул на себя облюбованную тарелку, на него двинулся весь сервиз.

– Ой! – испуганно прошептал Саша, задвигая тарелку обратно.

Но здесь, как назло, его нога продавила картонный ящик, на котором он стоял, и проникла внутрь. В ящике оказались стаканы, которые громко захрустели. Саша качнулся назад, также качнулся на него сервиз. Бережно уложенный мамой и горячо ею любимый, чешский фарфоровый сервиз на двенадцать персон, редчайший дефицит советских времен, все это изящное скопление тарелок, блюд, чашек, чашечек, мисок, как в замедленном кино, стало валиться на Сашу. Саша попытался придержать сервиз руками, но его ноги были заняты кромсанием маминых стаканов, и такую сложную нагрузку шуплое тело Саши Бякина не выдержало. С взрывоподобным грохотом сервиз обрушился вниз.

Суповая миска упала на многострадальную Лешкину голову, куда до этого падал чайник. Леша повалился на пол вместе с превращающимся в осколки сервизом.

Хотя в доме и ревела музыка, грохот разбивающегося сервиза Альбина услышала. Такой гром трудно не услышать. Наверное, с таким же чудовищным грохотом сходит с гор убийственная лавина, или взрывается вулкан.

Обеспокоенная Альбина Степановна прибежала на источник шума и застыла потрясенная. Уж лучше бы на ее глазах ушел под землю город с миллионом жителей, или прокатилось цунами. Ее бесценный сервиз, доставшийся как трофей от какого-то уже давно позабытого мужа, это богатство, которое она не выставляла на стол даже по большим праздникам и только бережно ласкала, иногда стирая с него пыль, лежал теперь на полу в невзрачных осколках, среди которых елозился помятый Лехоша. Над сервизом стоял на стуле и хрустел стаканами Саша. Его блеклые глазки выпучились на манер совиных, а и без того бесцветное лицо приобрело цвет хорошо выбеленной стены.

– Мам, а где ты такие чулки купила? – некстати спросил Лехоша. Иногда такие вопросы, заданные невпопад, спасали его от маминого наказания, но не в данном случае.

– Что это? – очень четко, и даже как-то спокойно спросила Альбина Степановна. Что могли ответить на этот вопрос Саша и Леша? «Это твой сервиз, мама, разве не видишь? Был и нету, одни осколки остались». Страшно, что даже свалить друг на друга было нельзя, что часто в таких случаях делалось. Оба преступника были пойманы на месте преступления после совершения святотатства.

Альбину охватил гнев.

Альбина в гневе.... Это не просто слова. Это формула ядерного распада, цепной реакции атомного взрыва. Это смертоносная вспышка сверхновой, несущая гибель всему живому на многие тысячи световых лет вокруг. Это темная, разрушающая сила вселенной, всех ее стихий, вместе взятых. Что там какие-то стаи гиппопотамов или дивизии вымерших тираннозавров, одна Альбина, если ее раздраконить как следует, становится страшней и опасней всего мезозойского зверинца.

Лицо женщины странным образом перекосилось. Вспыхнул пламень неземного зла в белесых, как у всех Бякиных, глазах. Завитые в мелкую колечку волосы зашевелились на манер кос Медузы Горгоны. На обнаженных руках вздулись вены и мышцы. Альбина сорвала занавеску, прикрывающую дверь, вместе с занавеской упала гардина. Из гардины свирепая женщина вырвала стальную трубку. Потом в лицо детям была брошена фраза, заставившая их испугаться еще сильнее.

Нет, Альбина почти не читала книг: иногда позволяла себе скромную беллетристику, что уж говорить о Николае Васильевиче Гоголе. Но сказанная фраза была по-гоголевски емкой, краткой и фатально-глубокой.

– Я вас породила, – с расстановкой сказала Альбина Степановна, – я вас и убью!

Сообразительные детишки не стали дожидаться, когда мама примется их убивать, и пустились наутек. Саша вырвал ногу из ящика со стаканами, спрыгнул со стула и выбежал из дома, следом ускакал на четвереньках Лехоша. Альбина, размахивая трубкой, бросилась следом....

Илья Карин позвонил Вильяму где-то в половине десятого вечера:

– Вилька, ты спишь?

– Нет еще.

– Тогда приходи ко мне, тут у Бякиных что-то страшное творится: визг, вой, грохот. Все соседи на улицу высыпали.

– Что там необычного? Ну, порют братишек в очередной раз.

– Э, не говори. Так, да не так. Такое впервые происходит. Давай, тебе пятнадцать метров пройти.

– Хорошо, – Вильяма разобрало любопытство. Он, как и прочие творческие натуры, отличался любознательностью.

На слух и взгляд непосвященного человека за железными воротами бякинского двора происходило яркое историческое событие, описанное в Новом завете, а именно: избивание младенцев Иродом Великим. Избиваемые младенцы визжали, орали, хрипели громко, долго и предсмертно. И хотя многим было известно, что за забором проживает всего двое субъектов, попадающих в категорию младенцев, по громкости криков можно было предположить, что их там скопился целый батальон. И все они дружно, оптом и в розницу, подвергаются чудовищным и самым изощренным истязаниям.

Возле двора Шайкиных столпился прочий любопытствующий люд, тихо слушал несущиеся над улицей детские вопли, вносил комментарии и предположения относительно происходящего. Были здесь все Шайкины: необъятная Анна Павлиновна, тощая старушка Прасковья Опанасовна и Леночка Шайкина в промежуточной весовой категории. Стоял Тузик, пьяный, мало что соображающий, но довольный людским скоплением. Трущаяся здесь же Нюрка уже не вызывала в нем страха и ненависти. Да и Нюрка не порывалась шпарить Тузика кипятком. Возможно, она считала свою миссию выполненной: Тузик от злых духов освобожден и пришло время обратить внимание на Бякиных.

Илья Карин к общему собранию не примкнул и просто стоял возле открытой калитки, пытаясь разобраться в происходящем на слух.

– Слышишь, как орут? – сказал он весело. – Не иначе всей семьей гоняют.

Бякины всегда отличались шумностью семейных разборок, но в этот раз переплюнули сами себя. Кроме пронзительного визга двух избиваемых младенцев из двора, скрытого забором и густым садом, доносились и другие звуки: звон бьющегося стекла, грохот падающего железа, треск ломаемого дерева. Потом раздались дружное куриное кудахтанье и поросятчий визг, словно неизвестный, но крайне опасный хищник ворвался в садок к спящим курам, терзая и пожирая несчастных пеструшек.

– Да, ты прав, – решил Вильям. – Много мы с тобой разборок слышали, но такой шум впервые случается. Пойдем поближе подойдем.

В отличие от взрослых, изображавших напускную тактичность, мальчишки подошли к самому бякинскому забору. Однако за густо растущими орехами и вишнями ничего не увидели. Иногда свет фонаря на крыльце на мгновение затмевали какие-то быстро проносящиеся тени, кривые, суетливые, похожие на стремительных монстров. Да вопли избиваемых братишек доносились с разных концов двора, причем одновременно, словно Саша и Леша под действием волшебной силы обрели вдруг способность к моментальной телепортации.

– Эх, жаль, – посетовал Илья, – ничего не видать. Судя по звукам, здесь происходит настоящее смертоубийство, а мы этому преступлению свидетелями не станем. Жаль. Жаль.

– Сашка! – Раздался совсем рядом хриплый рык деда Степана. – Выходи, паршивец, сейчас я тебя убивать буду!

– Ишь ты, убивать. – Оживился Илья. – Я убийства только в кино видал. Хочу наяву посмотреть. Как Сашку дед палкой охаживал – видел, как Альбина ремнем метелила – наблюдал. Но чтобы убивали....

– Так что, через забор лезть? – Усмехнулся Вильям. – Смотри, дед Степан не видит нефига. Примет тебя за Сашку и убьет, как обещал. К утру только твой труп и опознают.

– Да риск велик, – согласился Илья. – Я еще жить хочу. Эх, давно мечтал бякинский двор скрытыми камерами оснастить. Много пропустили.

Кто бы спорил. И вправду много пропустили. Все компоненты модных ныне боевиков, фильмов ужасов, вестернов и детективов собрала семейка Бякиных в своем дворе, на радость соседям и себе на горе.

Когда Саша и Леша выскакивали из дома в тщетной надежде убежать от мамы, они толкнули и уронили на асфальт нехстати подвернувшегося дедушку. В молодости дед Степан служил в советских карательных органах, выискивая в рядах простодушных колхозников враждебные шпионские элементы. А какие умные речи произносил он после увольнения из «органов» и отсидки за излишнее рвение и «перегибы», а как достойно нес себя, когда работал сторожем в магазине. А как вздрагивали простодушные соседки, когда «Стяпан Сляпой», шел в сельсовет или исполком, поблескивая толстыми линзами своих очков, чтобы «стукануть» на очередного не понравившегося соседа. С младых ногтей Степан высоко нес свое достоинство и не любил, когда его кто-нибудь ронял. А тут уронили не то, что достоинство – уронили саму персону, ценную, любимую, родную. Когда же об него споткнулась выбежавшая вслед за сыновьями Альбина, и железная трубка в ее руках чиркнула по асфальту в нескольких миллиметрах от его драгоценной лысины, старика взорвало. Бодро вскочив на ноги, старик сбежал в дом, вытащил из шкафа толстый офицерский ремень с медной бляхой и подключился к погоне. А братья Бякины скрылись в саду.

За садом бабушка Муня и дед Степан ухаживали не особенно старательно. Нет, по весне все деревья были аккуратно выбелены, и земля под стволами тщательно перекапывалась, а заблудись в саду бедолага-крот, его будут долго и остервенело гонять лопатой, пока бедный зверек не сбежит к соседям, причем по поверхности земли, огромными прыжками, визжа и спотыкаясь. Но от прочих вредителей деревья не опрыскивались, по весне не подкармливались, а про новомодные химические штучки, способные за короткое время превратить яблоки в насыщенные нитратами арбузы, старики слухом не слыхивали. Половину урожая съедали воробьи, вторую – Саша и Леша, из того, что осталось, бабушка Муня варила варенье. Сад дед Степан посадил во времена своей энкавэдешной юности, и теперь гигантские деревья просто доживали свой век вместе с хозяевами.

Под деревьями росли высокие кусты черной смородины и крыжовника, цветы и какие-то премерзкие колючки, долженствующие давать целебные плоды, но не приносящие обитателям дома ничего кроме болезненных укулов. В колючках залег Саша, надеясь, что из этих шипастых зарослей его никто выковыривать не будет, распластался, пронзенный во многих местах острыми иглами, и затих.

Леша же, вспомнив первобытную юность человечества, полез на дерево и повис на тонкой ветке, нависающей над птичником и кроличьими клетками. Недооценил он свою многоопытную маму. Частенько бивала она своих сыновей разными подходящими и не очень хозяйственными предметами, часто устраивала она погони и выслеживания, так что имела опыт. Ее острый слух быстро распознал вкрадчивый шорох листьев, а нехстати выглянувший месяц осветил непонятный нарост на ветке.

Альбина высоко подпрыгнула, взмахнула трубкой и ткнула ею в этот нарост.

– У-у-у-и-и-и! – пронзительным визгом придавленного поросеночка взвыл Леша Бякин.

Альбина стала прыгать, стараясь достать своего младшего сына трубой, а Леша начал пятиться, перебираясь на все более тонкие ветки.

– Слезай, скотина! – орала Альбина Степановна Мазлумян.

– У-у-у-и-и-и! – выл в ответ Леша.

Наконец Леша добрался до тоненьких веточек, не способных выдержать даже его мышинный вес. Послышался легкий хруст, предполетный писк Леши, а потом раздался чудовищный грохот, треск, крик перепуганных кур, визг поросенка, и запоздалое мяуканье придавленной кошки. Сорвавшийся с дерева Леша Бякин упал на крышу птичника, скатился по ней и свалился на многоярусные кроличьи клетки. Клетки обрушились на землю, а дальше началась цепная реакция.

Упала сбита клетками стена птичника, рухнул вниз стоявший на сваях поросячий саж. Упал забор. Загremел бьющийся об забор шифер. Взмыла высоко в темное небо, словно обретшая способность летать, несчастная кошка, до этого беспечно ловившая мышей под сараем, пролетела над деревьями ночной птицей и канула в неизвестность. Следом за ней полетели в разные стороны куры и петухи.

Вся эта разбуженная живность заорала на все голоса. Хорошо еще, что кролики отличаются природной молчаливостью и редко подают свои скрипучие голоса, иначе и они заорали благим матом, – кроликам досталось больше всех.

Но громче всех выл Леша. Уж он-то природной молчаливостью никогда не страдал – выл всегда, лишь только представится подходящий случай, лишь только маленькая неприятность заденет его своим краем. Неудачи в школе, оброненный в грязь пряник, отобранный старшим братом любимый карандаш, вызывали у Леши приступы поросячьего визга. Сегодня Леша старался изо всех сил. Его маленькие, но такие мощные, легкие, его железные голосовые связки издавали такой фундаментальный визг, что граждане, живущие на другом конце Солохиного яра перепугано выходили из домов, принимая Лешкины крики за сигнал пожарной сирены. В глубинах колючек заплакал и Саша Бякин. По громкости Лешкиного воя он решил, что брата постигла скоропостижная кончина, и теперь костлявая смерть в лице мамы с трубой подбирается к нему в темноте.

Услышав этот плач, Альбина двинулась в сад. По случаю предстоящего замужества она была облачена в длинное вечернее платье с блестками и высоким разрезом на бедре. Зацепившись за куст, Альбина сделала этот разрез еще более высоким и откровенным, достигающим до подмышки, а шипы на волшебных колючих кустах покрыли все платье оригинальными дырочками и сделали по краю симпатичную бахрому. Такое изменение покроя в другое время обеспокоили бы Альбину Степановну, но сейчас, когда в душе пылал обжигающий огонь мстительности, она таких новшеств не замечала и не оценивала. Может быть, потом, к вечеру следующего дня у нее появится новый повод устроить сыновьям порку, но пока, пока... пока бы за сервис наказать.

Саша, однако, вскоре затих. Да, острые колючки вонзились в самые неподходящие части его тела, пригвоздив к земле; хилая душонка разрывается от страха; и сердце вырывается из груди, трепеща испуганным цыпленком; но героический ужас убил в Саше желание плакать и вообще шевелиться.

Мама Альбина пробежала мимо него, оставив на облюбованном Сашей кусте изрядный кусок фиолетового платья. Не найдя старшего сына в саду, она вернулась к сараям и клеткам, где Леша уже почти выбрался из руин.

Теперь вернемся к деду Степану. Старик уже много десятилетий носил мощные очки с толстыми линзами, но в последнее время очки помогали плохо. Днем он еще как-то обходился, хотя мог принять соседского пацаненка за внука и кинуться бить, а одиноко стоящий столбик – за бабушку Муню и попытаться поцеловать. С наступлением же сумерек старику приходилось труднее. В такое время суток он пользовался, как правило, слухом и обонянием,

и только удивительная память, развившаяся за время службы в «органах» не позволяла ему заблудиться в собственном дворе.

Сидел бы дедушка Степа в креслице перед телевизором, попивал свой жиденький чаек, слушал бы телевизор и ругал власти, так нет же – поперся в сад со своим старым ремнем!

– Сашка, выходи, засранец! – ревел старик, размахивая ремнем. Наивный дедушка – не такой его внук простак, чтобы выбраться из кустов на этот зов под жестокий ременный удар.

– Выходи, Сашка! – скрипел дед Степан и углублялся все дальше в сад. За садом шел огород. Старик пересек и его, слегка потоптав бабушкины помидоры. Огород оканчивался забором, отделяющим его двор от двора соседей. Прошедшим летом Саша и Леша выдрали из забора целую секцию. Они играли в рыцарей, и куски старого штaketника как нельзя кстати подходили для изготовления мечей. В таком состоянии забор простоял до сентября, пока заблудившийся в огороде дед Степан не прошел сквозь эту дырку как сквозь пограничный переход, не заметив пересечение границы. Забравшись в соседский сад, старик пошел дальше, как и прежде, размахивая ремнем...

И здесь на сцену выходит главный миротворец, успокоитель и утешитель – бабушка Муня. Нерасторопная старушка попала домой в самом разгаре светопреставления, когда уже был повержен птичник, когда Леша Бякин уже оглашал окрестности воем пожарной серены, а любимая кошка прыгала по ветвям наподобие макаки резуса и все никак не могла приземлиться. До этого старушка вела неспешную беседу с соседками и до того увлеклась, что не сразу услышала жуткую какофонию, несущуюся из двора. Но когда услышала и оценила масштаб происходящего, пришла к выводу, что без ее вмешательства уютный дом пострадает, как от нашествия варваров, тогда и поспешила домой со всех своих коротеньких ног.

– Стой, Альбина, стой! – закричала баба Муня, хватая свою дочь за руку.

– Они мой сервиз разбили! – прохрипела Альбина. В этот момент она пыталась добыть из руин клеток Лешу Бякина. Леша добываться не желал и поэтому проворно углублялся в руины.

– Ничего, – говорила бабушка Муня утешительное. – Новый купишь.

– Новый – не старый. Он был мне дорог, как воспоминание. Сейчас таких не делают.

– Тогда Алешку маленького пожалей. Убьешь трубой ненароком.

– Не убью, он живучий, в меня уродился.

– Тогда курей, уток и кроликов пощади.

Альбина задумалась над этим предложением и огляделась. И только тут она осознала, какие масштабные разрушения сделали они вместе с сыном, какие потери понесло домашнее хозяйство. Свет фонаря на крыльце дома освещал ужасающую картину потерь и бедствий. Орали куры. Самые проворные из них взлетели на крышу и деревья, но благодаря своей слепоте с этих насестов соскальзывали и, неуклюже хлопая крыльями, падали на землю. Носились апоплексические кролики, потерявшие от ужаса всю свою осторожность.

Между кроликами сновал кабанчик, топтал несчастных зверьков, кидавшихся под его копыта, как камикадзе под танк. Мускусные утки все, как одна, застряли в заборе. Теперь их задние части, суетливые хвосты и подвижные лапки дергались внутри птичьего двора, а гибкие шеи и головы трепетали снаружи. В свойственной их породе манере селезни астматически шипели, а самочки панически кричали. Поросычий саж и кроличьи клетки превратились в скопление поломанного дерева и металла, в недрах которого шебуршил и пронзительно выл Лехоша

Обычно состояние домашнего хозяйства Альбину не слишком заботили. Главное – есть, что поесть и чем очередного мужа попотчевать. Всех этих кур, цыплят, уток, свиней, кроликов и нутрий Альбина Степановна представляла в готовом виде, лучше, жареном или запеченном. Хозяйством занимались родители. Но вид произведенных разрушений вверх и беспечную Альбину в состояние некоторого замешательства, – вдруг скончаются от стресса утки, куры и кро-

лики, подоспеет время свадьбы, а на стол ставить нечего. Решив так, Альбина отдала матери свое боевое оружие, трубку от гардины.

– Забирай! – сказала она.

Увидев сдачу оружие, затих Лешка Бякин, зазвенел металлом, зашуршал поломанным деревом, выпростал из руин свою всколоченную голову. Близость главной защитницы – бабушки навела его на мысль, что мама больше его трогать не будет, все беды миновали и впереди только сладострастные минуты бабушкиного обожания. Обычно после очередной маминской порки или Сашкиных издевательств бабушка принималась Лешу жалеть, кормить его размоченными в сладком чае сухарями, гладить по головке. И если бы этому событию не предшествовали жестокие телесные страдания, Леша такие бы минуты любил.

– Вылезай, калека, – как-то слишком миролюбиво позвала сына Альбина. Леша поддался на такой призыв и выбрался из развалин. Альбина медленно подошла к нему, совсем нежно взяла за руку, а потом, резко подняв с земли обломок доски, пару раз ударила по поджарому задку. Лешка громко взвыл, вырвался на волю и, продолжая выть, скрылся в саду.

– Вернешься – добавлю! – крикнула ему вслед Альбина.

– Все, отвела душу? – осуждающе спросила бабушка Муня.

Альбина ничего не ответила. Завернувшись в остатки своего изорванного, словно простреленного ружейной дробью, платья, она отправилась к дому и села на ступеньках крыльца.

Теперь дед Степан. А дед Степан по-прежнему охотился на внука в соседском саду. Как только в ближайшем кустике раздавался подозрительный шорох, дед наносил туда хлесткий удар ремнем. Саша в кустах не было (что ему у соседей делать?). Шорох в основном издавали суетливые ежи, или просто вечерний ветерок играл листвою. Но когда на выложенной половинками кирпича садовой дорожке показалась человеческая тень, дед Степан, размахивая ремнем, ринулся к ней. «Наконец-то, – подумалось старику, – сейчас маленький стервец ответит за все».

Бякины не знали задних соседей. Ну, живут там какие-то, садик тенистый развели, теплицы держат, деньги зарабатывают. Они даже ссорились с ними только однажды, когда Леша лазал в теплицу за ранними огурцами, порвал пленку и был пойман на месте преступления. Кстати, ни Альбина, ни старики не посчитали Лешкин проступок преступлением и крайне возмутились, когда им выставили претензии и счет.

Соседи тоже с Бякиными знаться не хотели. После последней схватки, в которой они, конечно же, проиграли, они со стариками и Альбиной даже не здоровались, а вечерами швыряли им через забор разный мусор.

Но этим вечером их ждала новая встреча. Правда старик принял соседку за своего старшего внука, а соседка, в свою очередь, посчитала деда кровожадным убийцей-маньяком, так разрекламированным в последнее время телевидением.

Раздался пронзительный женский визг, и дед Степан сразу понял, что имеет дело отнюдь не с внуком, но с какой-то незнакомой женщиной, странным образом оказавшейся на его пути. Он поспешил удалиться, но заблудился среди помидорных грядок и теперь блуждал там, начиная панически плакать. Соседка же повалилась на дорожку и продолжала орать, суча ногами по кирпичному покрытию.

Громко топая ногами, на помощь жене прибежал хозяин сада.

– Что, Люба? – задыхаясь, спросил он.

– Вон, – указала Люба на смутную тень старика, топчущего помидоры, и горько всхлинула....

Во двор к Бякиным постепенно приходило успокоение. Альбина, отведя душу на Лешкиных ягодицах, сидела на ступеньках дома, куталась в обрывки платья, нервно курила. Бабушка Муня стояла над ней и говорила утешительные слова. Мол, сервис, конечно, вещь ценная, красивая, жалко до слез, но и без него прожить можно. Вот они с дедом без всяких сервисов трех дочерей вырастили (к слову сказать, непутевых.) Не стоит этот сервис жизни ее сына, Алешки

маленького. Сам Алешка маленький, все еще страдающий неземным страданием, подобно голодавшемуся волку выл где-то в саду. Но Альбина на утешения не поддавалась.

– Какой был сервис, – горько посетовала она, глубоко затягиваясь сигаретным дымом.

– Ну и шо, – проквохтала бабушка Муня. – У наши времена никаких сервисов не было. И жили себе. Дед Степан «врагов народа» выявлял. Да, кстати, куды ж он подевался?

Тревожную весть о старике принес Саша Бякин. Позабыв про угрозу быть битым, если не убитым, он подбежал к женщинам и прокричал, задыхаясь:

– Мама, бабушка, деда убивают!

– Кто убивает?

– Сосед!

Дома Бякины частенько ссорились друг с другом, дрались, били посуду и ломали мебель. Иногда казалось, что этот дом сосредоточение ненависти друг к другу. Однако когда в дело включались посторонние лица, Бякины сразу же прекращали усобицу, объединялись в братской, единокровной любви и с устрашающим шумом сметали неприятеля. Обычно шум производили Саша и Леша, Альбина, вооруженная камнями и прочими метательными снарядами, шла в авангарде, дед прикрывал тылы и фланги, а бабушка Муня на всякий случай таилась в засаде.

Вот примерно таким порядком двинулось в бой бякинское семейство. Однако за уважительным отсутствием сразу двух представителей семейства, боевой строй пришлось делать компактным, а ряды тесными. Даже бабушка Муня, обычно во время предыдущих сражений залегающая в засаде, ныне выдвинулась вперед в общем боевом натиске. Все три представителя семейства побежали в сад.

Деда Степана не то, чтобы били – так, трепали просто. Муж испуганной женщины, огромный и сильный, поднял старика над землей, так что его вытянутые ноги только слегка задевали кирпичную дорожку, тряс для стимуляции мыслительного процесса и задавал вопросы. Толстые очки старика висели на одном ухе, а лысенькая головушка болталась взад – вперед.

– Говори, – грозно вопрошал мужик, – что ты хотел сделать с моей женой?

– Я... мя... ня..., – невнятно отвечал старик.

– Как ты здесь оказался, старый развратник?

– Я... ня... мя...

– И зачем тебе ремень, извращенец?

– Толя, осторожно! – предупредила женщина. Предупреждение это было нужным, но несколько запоздалым. В уютный садик, такой покойный и нежный, заросший отцветающими гвоздиками и расцветающими хризантемами, вломила Альбина, тайфун в порванном платье. Следом, немного отстав, бежали Саша и бабушка Муня. Саша орал даурским котом, пронзительно, скрипуче, противно. Запыхавшаяся старушка молчала, но она держала в руках стальную трубу от гардины.

– Отпусти его, убийца! – проорала Альбина.

Хозяин двора ничего не понял. Он готовился наказать какого-то зарвавшегося старикашку, как он предполагал, бомжа, почему-то напавшего на его жену, но тут из темноты вынырнули три монстра в человеческом облики. Альбина быстро выхватила из рук матери трубу от гардины и приемом японских самураев нанесла размашистый удар. Сосед-мучитель тут же отпустил свою жертву и повалился на землю, схватившись за голову. Однако упал на землю и дед Степан и тоже схватился за свою лысину.

– Ой, Толенька, – запричитала женщина. – Что они с тобой сделали? Убили тебя, Толенька! Милицию надо вызывать и «скорую»!

– Сашка, вызывай «скорую»! – прокричала бабушка Муня. – Твоя мать твоего деда убила! – Бабушка Муня ясно разглядела, что основным удар стальной трубы пришелся именно

на голову деда Степана. Бабушка Муня знала, что ей делать. Не знал Саша. За «скорой помощью» он не побежал и продолжал швырять в соседей камни.

Хотите знать, как изгонялись из дома несостоявшиеся кандидаты в мужья? Изгонялись жестоко, как изгоняются из пчелиного улья утратившие надобность и доверие трутни. С гро-мом, криками и побоями. Иногда их приходилось эвакуировать на машине «скорой помощи» по причине травматического обездвиживания. Некоторые, самые быстрые и трусливые спасались бегством, проворно преодолевая высокий забор. В такие мгновения от Альбины могли пострадать и ближайшие родственники, и страдали, если не успевали вовремя спрятаться. Так что боевого задора или, как в просторечье говорится, дури, ей было не занимать.

Старик не утратил способности к передвижению, он откатился в сторону, предоставив дочери возможность напасть на обидчика. И Альбина напала. Как толстовская «дубина народной войны» она принялась гвоздить соседа, жестоко, упорно, остервенело. Сосед, лежа на спине, пытался отбиваться ногами. Ногами он размахивал проворно и быстро, блокируя удары, не давая попасть по телу и голове.

Видя, что удары почти не достигают цели, Альбина стала кружиться вокруг соседа. Сосед тоже принялся вращаться на спине, стараясь, чтобы его дрыгающиеся ноги, оказались напротив Альбины. Некоторое время поединок проходил при равенстве сил. Альбина Степановна задевала противника только по ногам – больно, но терпимо. Сосед не оставался в долгу и пару раз пребольно пнул женщину, для этой цели он применил очень необычный прием, подсмотренный, наверное, у лежащихся ослов или у дерущихся котов – высокий прыжок и удар обеими ногами, все это – лежа на спине. Но постепенно мужчину стали оставлять силы. Он уже не так проворно крутился на спине, не так ловко отвечал на удары. Туго приходилось хозяину двора, но тут ему на помощь пришла жена. До этого сидящая на земле и громко вопящая, она выковырнула из садовой дорожки половинку кирпича и запустила им в Альбину. Попала, чем сбила боевой задор.

Семейство Бякиных (а мы договорились называть этой фамилией всех членов семьи) не смотря на тупость, отличаются одним важным умением – они знают, когда следует нападать, а когда необходимо спешно уносить ноги. Подвергшись обстрелу кирпичами, они произвели быструю и умелую ретираду, не забыв взять на руки и унести с собой деда Степана. При этом Саша прикрывал отступление, швыряя камни в ответ.

Вскоре все семейство скрылось в темноте, а соседи, так и не понявшие, что за опасные существа только что на них напали, отправились залечивать раны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.